

9. Милюков П.Н. Интеллигенция и историческая традиция // Вопросы философии. – 1991. – № 1. – С. 106–159.
10. Соколов В.Э. Понятие, сущность и основные функции культуры: учеб. пособие. – Л., 1989. – 83 с.
11. Уайт Лесли. Культурологическая интерпретация человеческого поведения против психологической // Наука о культуре. – М.: РОССПЭН, 2004. – 960 с.
12. Шулепова Э.А. Историческая память в контексте культурного наследия // Культура памяти: сб. науч. ст. – М., 2003. – С. 11–26.

УДК 947.086

Е.Л. Зберовская

**СПЕЦПОСЕЛЕНЦЫ ИЗ ЗАПАДНОЙ УКРАИНЫ В КРАСНОЯРСКОМ КРАЕ (1945 г. – начало 1960-х гг.):
ПРОЦЕСС СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ АДАПТАЦИИ**

В статье рассматривается пребывание депортированных семей из Западной Украины на спецпоселении в одном из сибирских регионов – Красноярском крае: их размещение, сферы трудового «использования», организация быта. Отмечается специфика выселенцев, которых власть рассматривала изначально как «неблагонадежных». Пребывание на спецпоселении принципиально не изменило их взаимное восприятие. Процесс адаптации затронул только внешние формы существования спецпоселенцев, но мало отразился на их мировоззрении, сохранившем прежние ценностные установки.

Ключевые слова: депортация, спецпоселение, проведение социалистических преобразований, адаптация, реабилитация, внутриэтническая консолидация.

E.L. Zberovskaya

**SPECIAL SETTLERS FROM THE WESTERN UKRAINE IN THE KRASNOYARSK TERRITORY
(1945 – the beginning of 1960): THE PROCESS OF SOCIOCULTURAL ADAPTATION**

The stay of the families deported from the Western Ukraine on the banishment in one of the Siberian regions – Krasnoyarsk territory: their accommodation, spheres of the labour “use”, everyday life organization are considered in the article. The specificity of the evicted people who were initially considered by the authorities to be “unreliable” is noted. The staying on the banishment didn’t principally change their mutual perceiving. The adaptation process affected only external forms of special settler existence, but didn’t affect their outlook that saved the original value sets.

Key words: deportation, banishment, realization of socialistic transformations, adaptation, rehabilitation, intra-ethnic consolidation.

В 1940–1950-е гг. в ходе массовых депортаций в Сибирь на спецпоселение было направлено около 1 млн чел. Четвертая часть многочисленных «спецконтингентов» оказалась на новом месте жительства в Красноярском крае. Принудительному выселению подвергались разные социальные группы, «неблагонадежные» в социально-политическом или этническом отношении (поляки, советские немцы, финны, калмыки, крымские татары, семьи «оуновцев», «кулаков из Литвы» и т.д.). Причины выселения, определение «правового» статуса, адаптация и другие вопросы, связанные с депортациями, стали предметом активного изучения в постсоветской науке. За последние десятилетия усилиями отечественных и зарубежных исследователей здесь были достигнуты определенные успехи. Однако ряд тем, в силу разных причин, оказался менее изученным. В этом ряду находится и изучение ссылки спецпоселенцев из Западной Украины в послевоенный период.

Пребывание депортированных групп на спецпоселении определялось нормативной базой, сформированной указами советских органов и ведомственными распоряжениями НКВД/МВД СССР. Потому в целом система спецпоселений в стране действовала в рамках единого «правового» поля. Вместе с тем жизнедеятельность отдельных «спецконтингентов» имела небольшую специфику. Она определялась несколькими факторами: социокультурными характеристиками депортированных групп (например,

конфессиональная и языковая принадлежность, устойчивость внутризотических связей и др.), степенью социальной «опасности», которая определялась органами НКВД/МВД при выселении. Высланные семьи «оуновцев» и «кулаков» из Западной Украины относились к числу «неблагонадежных» контингентов.

Предвоенная ссылка (1940 г.) с вновь присоединенных земель Западной Украины была преимущественно «польской». Она достаточно подробно исследована в работах В.С. Парсадановой, А.Э. Гурьянова, Н.Ф. Бугая и др. Большая часть переселенцев – польских «осадников» и «беженцев» – оказалась в Сибири, в т.ч. 17 тыс. в Красноярском крае. Еще 3300 чел. ссыльнопоселенцев (семьи участников украинских и польских националистических организаций) прибыли в край уже в июле 1941 г. [1, с. 369]. Вскоре после начала Великой Отечественной войны Польша стала союзницей СССР по антигитлеровской коалиции. Всем польским гражданам была объявлена амнистия и в 1944–1945 гг. большинство из них выехало на освобожденные территории своей страны.

Новые депортации из западных областей СССР проходили в 1944 – начале 1950-х гг. На территории Западной Украины организация украинских националистов (ОУН) оказывала ощутимое сопротивление советской власти еще в годы войны при освобождении территорий, а в 1945–1953 гг. ими было совершено более 14000 террористических и диверсионных актов [2, с. 211]. В 1944–1952 гг. проходила депортация семей членов ОУН. На спецпоселение отправлялись семьи тех, кто активно противодействовал установлению новой власти: осужденных, убитых, находящихся на нелегальном положении националистов, бандитов. Советское правительство стремилось таким образом изолировать враждебную часть населения Западной Украины, лишиться антисоветские организации их социальной и во многом материальной базы (подобные действия предпринимались и в отношении семей «антисоветских элементов» в Прибалтике, Западной Белоруссии). В январе 1951 г. в Красноярский край на вечное поселение направлялись семьи «кулаков» из восьми западных областей Украины (1,5 тыс. чел.) [3, с. 212].

Процедура выселения семей «оуновцев» несколько отличалась от предыдущих операций депортации. Например, немцы, финны, калмыки направлялись на поселение согласно нормативному акту, принятому в отношении всех представителей данной национальности, имели право взять с собой имущество (хотя в реальности это не всегда было возможно сделать). В отношении семей «оуновцев» также выходили ведомственные или правительственные постановления (приказ НКВД от 31 марта 1944 г., Постановления Совета Министров СССР от 10 сентября 1947 г. и от 4 октября 1948 г.), но применительно к каждой семье составлялось заключение районных отделов внутренних дел о необходимости выселения, которое затем рассматривали вышестоящие структуры ведомства. В итоге основанием для отправки на спецпоселение являлось постановление, утвержденное НКВД СССР, где были указаны район и срок поселения (в каждом случае он был свой). Имущество ссыльных людей подлежало конфискации.

В послевоенный период большинство семей членов ОУН направляли в Сибирь. В 1951 г. здесь находилось 76222 чел., или 53,9 % из числа высланных [4, с.139–140]. В Красноярский край они прибывали неравномерно. В первую волну депортации 1944 г. прибыло 2113 чел. Основной приток переселенцев пришелся на конец 1940-х гг.: в 1949 г. их насчитывалось 5385 чел, в 1953 г. – 13860 чел. В Сибирь на поселение отправились преимущественно женщины и дети, мужчины составляли только четвертую часть переселенцев [3, с. 165, 5]. По национальному составу большинство «оуновцев» были украинцами. Их уровень образования был невысоким – большая часть оказалась малограмотной, а четверть вообще не умела читать и писать [3, с. 178].

Большинство семей разместили в колхозах и совхозах края. В 1952 г. они были расселены в 37 районах, находились под надзором 127 спецкомендатур. Люди направлялись на лесоразработки, сельскохозяйственные работы. Более 500 чел. трудилось на красноярских заводах, свыше 200 чел. – на горнодобывающих предприятиях г. Черногорска, равно как и те «оуновцы», которые находились в ведении Норильского УНКВД [6]. Вышеуказанные сферы трудоустройства были типичными для спецпоселенцев, определялись потребностями экономического развития сибирского региона.

В Сибири условия жизни депортированных из Украины семей мало чем отличались от положения остальных спецпоселенческих групп. Им предстояло пройти суровую адаптацию на новом месте жительства. Прибывшим приходилось осваивать новые профессии, связанные с заготовкой леса, добычей угля и т.д., привыкать к труду в новых климатических и природных условиях, взаимодействовать в интернациональных коллективах. Потому вполне объяснимо обстоятельство, на которое указывает исследовательница Т.В. Гуршова: «...спецпоселенцев не ставили на основные работы, а применяли их труд на второстепенных, сезонных работах, где был плохо поставлен учет и практически не применялась механизация» [7, с. 23].

Серьезной проблемой в послевоенный период оставалось рациональное использование труда прибывшей рабочей силы. Не все переселенцы были обеспечены работой, некоторые вынуждены были ходить на лесозаготовки за 20 км от места проживания. В результате плохой организации на ряде предприятий лесной и добывающей отрасли производительность труда спецпоселенцев была очень низкая, большинство из них норм выработки первоначально не выполняли. Следовательно, и заработки были очень маленькие [8]. В архивных документах отложились и свидетельства злоупотреблений со стороны руководства леспромхозов: задержка выплаты заработной платы, лишение премий или выходных. Ситуацию с трудоустройством контролировало отвечающее за спецпоселенцев ведомство – МВД. Начальник краевого управления внутренних дел признавал, что положение с отсутствием нормальных условий труда и быта спецпоселенцев «тяжелое», требующее постоянного контроля со стороны властей [9]. По свидетельствам самих бывших спецпоселенцев из Западной Украины, часть переселенцев достаточно быстро нашла применение имеющимся трудовым навыкам – некоторые из них трудились портными в швейных мастерских, а те, кто попали в колхозы и совхозы, работали по своим прежним специальностям.

Прибывшие в Сибирь семьи из Западной Украины, как и представители других спецпоселенческих групп, сталкивались с серьезными бытовыми проблемами: дефицитом жилья, голодом, отсутствием теплой одежды и обуви. Неустроенность быта депортированных усугубляли общие для страны тяготы послевоенного времени, а растущий поток спецпоселенцев обострял существующие жилищно-бытовые проблемы.

Следует отметить, что, получая информацию о прибытии «спецконтингентов», местные руководители проводили подготовительные мероприятия для приема переселенцев, но часто не успевали должным образом выполнить распоряжение центра. В результате людей расселяли в малопригодные для жизни помещения, которые приходилось обустривать новоселам. Особенно остро жилищная проблема проявлялась в лесопромышленных предприятиях. В докладной записке о выполнении постановления бюро Крайкома ВКП (б) от 18 мая 1948 г. «О расселении и устройстве спецпереселенцев на предприятиях лесной промышленности», указывается, что на предприятиях треста «Красхимлес» семьи спецпоселенцев размещены в общих бараках, клубах, амбарах, отмечается и неудовлетворительная организация снабжения продовольственных товаров и неорганизованное санитарно-медицинское обслуживание [10]. Вместе с тем местные власти по мере своих возможностей создавали приемлемые жилищно-бытовые условия. Например, бывшие спецпоселенцы-«оуновцы», прибывшие в Бириллусский район Красноярского края, вспоминали, что «жили неплохо», в своём доме, «мебель вся была самодельной, была корова», некоторые выселенцы, оказавшиеся в Дудинке, получили место в общежитии.

Условия жизни спецпоселенческих семей менялись медленно. Это зависело не только от распоряжений центральной и деятельности местной власти, но и от ряда других обстоятельств, к числу которых можно отнести приспособление к суровому климату, общий невысокий уровень жизни населения. Сами сибиряки отмечали, что большой разницы между ними и спецпоселенцами не было – в трудное послевоенное время все жили бедно.

Все прибывшие на спецпоселение группы находились под надзором спецкомендатур. Во второй половине 1940-х гг. в Красноярском крае их количество постоянно росло из-за поступления новых переселенцев, а география пребывания расширялась. Если в апреле 1944 г. насчитывалось 57 спецкомендатур, то в январе 1949 г. их было уже 151, а еще через три года – 191 [6]. Эти подразделения НКВД/МВД отвечали за расселение, трудоустройство, обустройство переселенцев, часто указывали местным руководителям на плохую организацию труда и быта переселенцев. Коменданты следили и за моральным состоянием и настроениями депортированных. Контроль осуществлялся разным способом: спецпоселенец не мог без разрешения коменданта покинуть место поселения и обязан был ежемесячно отмечаться в комендатуре, создавались группы содействия из местного населения, которые должны были информировать коменданта о возможных побегах переселенцев. Сами переселенцы были организованы в «десятидворки», где старший нес персональную ответственность за своих товарищей.

Высланные находились под особым вниманием комендатур. Как показывает статистика, переселенцы из Западной Украины чаще других бежали из мест поселения, демонстрируя, таким образом, протест против ссылки. Удельный вес находившихся в бегах спецпоселенцев-«оуновцев» по отношению к общей численности контингента составлял 4,4 % [3, с. 190]. У других спецпоселенческих групп он был ниже. В Красноярский край направляли «оуновцев», которые бежали ранее из мест поселения, но были задержаны сотрудниками МВД [11]. Борьба с побегами в конце 1940-х гг. стала едва ли не основной задачей комендантов и их помощников, была одной из причин увеличения их численности. Одновременно ужесточили наказание за побеги. По Указу Президиума Верховного Совета от 26 ноября 1948 г.

самовольный побег из мест поселения карался 20 годами каторжных работ. Мера возымела действие – в 1949 г. со спецпоселения ссыльные бежали уже в 4 раза меньше, чем в 1948 г.

Окончательное прикрепление спецпоселенцев-«оуновцев» к местам поселения произошло в апреле 1950 г., когда Совет Министров СССР принял постановление об отмене для них сроков поселения. Указывалось, что они отправлены на спецпоселение навечно [4, с. 139].

Официальное закрепление украинских семей в Сибири не означало для них полного принятие местного социума. Прожив 3–5 лет на поселении, они приспосабливались к природным условиям, осваивали новые профессии. Отмечалось их добросовестное отношение к труду. За это время люди проходили климатическую и трудовую адаптацию. Однако говорить о полной адаптации переселенцев не представляется возможным. Несмотря на определение «на вечное поселение», они, как и многие другие спецпоселенцы, хотели вернуться на родину.

Для переселенцев из западных областей была характерна внутриэтническая сплоченность, стремление к сохранению культурных и религиозных ценностей. Мы располагаем лишь косвенными свидетельствами групповой консолидации. Они находят отражение в источниках разного рода: воспоминаниях бывших спецпоселенцев и местных жителей, отчетах местных руководителей, где в том числе упоминается и морально-психологическое состояние депортированных, свидетельствах представителей надзорных органов (докладные записки, распоряжения органов МВД).

В условиях спецпоселения, дисперсного размещения переселенцев сохранение внутриэтнической консолидации представлялось весьма проблематичным. Большую роль в поддержании национального языка и культуры стала играть семья. Носителем этнокультурных ценностей, как правило, выступало старшее поколение. Среди небольшого количества личных вещей, которые выселенцы могли взять с собой, взрослые брали Библию, иконки, рушники. Они бережно хранились в Сибири. Бывшая спецпоселенка Н.Т. Томашевская, высланная в 1944 г. из Ровенской области, вспоминает, что даже в новых этнокультурных условиях ее родные старались исполнять дома религиозные обряды, а икона, привезенная из Украины, до сих пор занимает почетное место в доме [12].

Религия стала наиболее приемлемой и распространенной формой этнического самосознания. В 1950-х гг. для переселенцев из Западной Украины исполнение религиозных обрядов (несмотря на запреты властей) воспринималось как способ национальной консолидации. В июне 1955 г. секретарь Норильского горкома КПСС сообщал, что отправление украинцами обрядов принимает форму массовых национальных действий: похороны погибшего в результате несчастного случая уроженца Тернопольской области превратились в процессию из полутора тысяч человек с духовым оркестром и приглашенными ксендзами. На венчании украинца Мартынюк собралось 200 чел., проводил его ксендз. Автор докладной записки отмечал «слаженность» и «быстроту», с которой верующие украинцы реагировали на все события, происходившие в их среде [13]. Значительная роль в консолидации украинцев принадлежала священникам католического и греко-католического вероисповедания, недавно освободившимся из заключения и поддерживавшим (в том числе через отправление обрядов) внутриэтнические связи.

В мировоззрении выселенцев из Западной Украины сохранилось неприятие существующего политического режима. Сотрудники комендатур констатировали, что среди «оуновцев» и спецпоселенцев из Прибалтики хуже, чем среди другого контингента, шла вербовка агентов [14]. К тому же в их среде существовало наибольшее количество подпольных антисоветских организаций и групп, возникших в местах поселений. Среди них не было коммунистов и комсомольцев, что снижало возможность идеологического воздействия. В письмах к родственникам во второй половине 1950-х гг. они критично писали о том, что живут в условиях несвободы. Местные жители вспоминали об отсутствии у украинцев интереса к политическим процессам, нежелании принимать в них участие.

Начавшийся после смерти Сталина демонтаж спецпоселенческой системы затронул семьи «оуновцев» позже, чем другие «спецконтингенты». Первыми со спецучета в 1953 г. снимались бывшие «кулаки», местные немцы, затем освобождались спецпоселенцы-коммунисты. В 1954 г. спецпоселенческий статус сняли с участников войны, орденосцев, инвалидов, женщин, вступивших в брак с местными жителями. Несмотря на активизировавшийся процесс освобождения, в 1957 г. в Красноярском крае на спецпоселении оставалось еще 3224 «оуновца» и 111 «кулаков» из западных областей УССР. По численности «оуновцы» уступали только депортированным из Литовской ССР (16978 чел.) [15]. В конце 1950-х гг. их освобождение пошло быстрее. Юридическим основанием для этого служили решения Президиума Верховного совета СССР и Советов Министров тех республик, откуда проводилось выселение, определение судов, заключение УВД. Контингент «оуновцы» прекратил существование в начале 1960-х гг. Бывшие спецпоселенцы не были полностью восстановлены в правах. Они не могли требовать возмещения

конфискованного при выселении имущества, вопрос об их возвращении решали республиканские органы власти. Тем не менее большинство спецпоселенцев-«оуновцев», получив освобождение, стремилось выехать на родину.

Жизнь спецпоселенцев в Сибири предполагала адаптацию к новым условиям, постепенное включение их в местный социум. Значительная часть депортированных семей приспосабливалась к суровым климатическим условиям, постепенно включалась в производственный процесс, обустроивала быт. Однако полной социокультурной адаптации не происходило. Для семей, высланных из Западной Украины, это было характерно в наибольшей степени. Обозначившееся несоответствие внутреннего самосознания и внешних форм приспособления свидетельствовали о сохраняющейся этнической доминанте в мировосприятии спецпоселенцев. В ходе климатической, производственной языковой адаптации расширились возможности социализации, но нивелировки этнических констант не произошло. В условиях ссылки они демонстрировали формы внутриэтнической консолидации, неприятие существующего режима. Для некоторых представителей «контингента» антисоветские настроения являлись проявлением внутриэтнической консолидации. Нелояльность первоначально проявлялась в бегстве из мест вселения, затем в публичном отправлении религиозных обрядов. Для надзирающих органов спецпоселенцы-«оуновцы» за время ссылки не стали «благонадежными». Их освобождение от спецпоселения затянулось до начала 1960-х гг.

Литература

1. *Гурьянов А.Э.* Польские спецпереселенцы в Сибири (1940–1941 гг.) // *Сибирь в истории и культуре польского народа.* – М., 2002. – С. 368–375.
2. *Полиция и милиция России: страницы истории /сост. А.В. Борисов, А.Н. Дугин.* – М., 1995. – 318 с.
3. *Земсков В.Н.* Спецпоселенцы в СССР. 1930–1960. – М.: Наука, 2003. – 300 с.
4. *Бугай Н.Ф.* Народы Украины в «особой папке Сталина». – М.: Наука, 2006. – 271 с.
5. ГАРФ. Ф.Р. 9479. Оп.1. Д. 642. Л. 105.
6. ОСФИР ИЦ ГУВД КК. Сводная таблица о дислокации и расселении спецпоселенцев, ссыльных и высланных в Красноярском крае на 1.01.1952 г.
7. *Гуршоева Т.В.* Спецпоселенцы из Западной Украины в Иркутской области (1940-е – 1960-е годы): автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Иркутск, 2006. – 25 с.
8. ГАКК. Ф.Р. 1856. Оп. 2. Д. 9. Л. 135.
9. ГАКК. Ф.Р. 1386. Оп. 4. Д. 175. Л. 5–6.
10. ГАКК. П. 26. Оп. 20. Д. 37. Л. 27–29.
11. ОСФИР ИЦ ГУВД КК. Т. 3. Д. 1. Приказы начальника УМВД КК за 1948 г. Л. 33.
12. Материалы IX историко-правовой экспедиции: Томашевская Надежда Терентьевна (запись беседы в г. Енисейске Красноярского края // Личный архив автора. – 2013. – июль.
13. Докладная записка о ксендзах // www.memorial.krsk.ru/DOKUMENT/People/550623.htm (дата обращения 14.03.2009 г.).
14. ГАРФ. Ф.Р. 9479. Оп. 1. Д. 471. Л. 234.
15. ГАРФ. Ф.Р. 9479. Оп. 1. Д. 925. Л. 148.

